

当代苏联文学原著选读

第一卷

СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

1

**СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
—ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ—
ТОМ 1**

当代苏联文学原著选读

第 一 卷

北京外国语学院俄语系 编

外 语 教 学 与 研 究 出 版 社

主 编 李 莎
编 者 白春仁
汪嘉斐
李英男

当代苏联文学原著选读

DANGDAI SULIAN WENXUE YUANZHU XUANDU

(第一卷)

北京外国语学院俄语系编

外语教学与研究出版社出版
(北京外国语学院23号信箱)

北京外文印刷厂^{排版}
印刷

新华书店北京发行所发行
全国各地新华书店经售

开本850×1168 1/32 18印张 350千字
1985年1月第1版 1985年1月北京第一次印刷
印数1-20,000册

书号: 7215.55 定价: 3.95元

序 言

《当代苏联文学原著选读》，是为大学生、研究生、大中学教师、翻译、科研及其他俄语工作者学习当代苏联文学、提高俄语水平提供的一部较为系统的选本。

编辑这样一个选本，直接起因于教学上的需要。近年来，我们给研究生、进修教师讲授当代文学作品，从教学目的、方法到选材，遇到了许多新问题。在解决这些问题的摸索过程中，逐渐酝酿出了选本的雏形。我们的目标，是从五十年代中期到八十年代初的文学创作中，精选思想艺术都较好，又具有代表性的作品，以一斑窥全豹，大体反映出当代苏联文学的特色和成就，也展现出当代俄罗斯文学语言的面貌，并为了了解今天的苏联社会提供较多的情况和知识。在题材、体裁、艺术手法、语言风格诸方面，则力求多样一些，新鲜一些，同时尽可能实用一些，使之有利于语言教学。目前先编小说部分（包括一些散文、随笔），这一卷收入了十位作家的十一篇作品；计划陆续出齐小说以及戏剧、诗歌的选本。尽管我们努力兼顾文学和语言、实用和鉴赏、讲授和自学的不同要求，实际上也只能做到差强人意。或许聊可自慰的是，这样选下来，倒能够适应较多方面的需要。

选本既带有教材的性质，在正文之外，我们还编写了一些教学参考材料。这些材料的用法连同编写体例，有必要略做交待。

选文按作者姓氏的字母顺序排列。每个作家自成单元，包括六项内容：

一、作家及其创作简况——侧重于介绍作家的创作特色和入选作品的思想艺术特点。

二、选文——每位作者一般选录一篇。短篇不加删节；中长篇通常是节选段落，但注意了内容的完整和充实，多少要能体现出作家的特色来。

三、注释——一是解释现有工具书里翻检不到的疑难词句，二是为理解作品提供较多的背景知识。

四、作业题——包括多种性质的练习题，如语言手段的理解和运用，修辞手法的分析，语言风格的鉴别，章法艺术的说明等等，但都没有离开语言修辞这个总题目。我们的意图，是通过作业的形式，为各篇的语言修辞教学提出一些重点。

五、讨论题——目的在于帮助读者了解作品思想内容的要点。关于作品的主题思想、人物形象、社会意义，在作家介绍和作业提示中虽有涉及，但一般从简，主要的还是靠读者独立思考和集体讨论。对于当代文学来说，这样处理较为合适。

六、作文题——供把握内容、训练写作之用。

书末附有各篇作业的答案提示，主要供教师参考。由于入选作品各有特色，也为了适应不同的教学目的，在编写各篇的作业题和答案提示时，我们避免了机械划一的作法。有的以语句的修辞分析和活用为重点，有的着眼于形象塑造中的修辞技巧，有的偏向于发掘通篇的修辞特色。总之，不拘一格而各有侧重。不妨说，我们意在体现原则和方法，不在求全求细，有问必答。因此，个别篇章似乎无需出什么作业题，某些作业题又觉着不必作答，便一概付之阙如了。

显而易见，采用这个选本做教材，不宜逐篇逐项去讲授。最好根据教学对象的水平和需要，先易后难，选读若干篇。每篇又可区别精读和泛读两部分，课内务求少而精。至于作业题、讨论题、作文题等，更应有选择地利用。

这个选本是集体选编注析的，全部书稿经李莎教授最后审定。各篇的编者是：李莎——维琳鲍芙斯卡娅、钦得里亚柯夫；白春仁——艾特玛托夫、别尔戈丽茨、沙吉娘；汪嘉斐——扎克

鲁特金、纳吉宾、诺索夫，李英男——肖洛霍夫、雅申。

出当代文学的选本，又是这样的目的，这样的编法，全然是一种尝试，有待于检验和改进的地方正多。衷心希望各方面的同志不吝赐教，帮助我们把它逐步完善起来。

编 者

一九八三年七月

Принятые сокращения

бран. — бранное
воен. — военное
возвыш. — возвышенное
высок. — высокий стиль
газетн. — газетный стиль
груб. — грубое
делов. — деловой стиль
диал. — диалектное
жарг. — жаргонное
зд. — здесь
индивид. — индивидуально
ирон. — ироническое
книжн. — книжное
межд. — междоветие
народно-поэт. — народно-поэтическое
нейтр. — нейтральное
неодобр. — неодобрительное
неправ. — неправильно
окказ. — окказионализм
офиц. — официальный стиль
перен. — переносное значение
погов. — поговорка
посл. — пословица
презр. — презрительное
пренебр. — пренебрежительное
прост. — просторечное
публиц. — публицистический стиль
разг. — разговорное
уменьш.-ласк. — уменьшительно-ласкательное
уменьш.-уничиж. — уменьшительно-уничижительное
устар. — устаревшее
фам. — фамильярно
фраз. — фразеологизм
шутл. — шутовское
экспрес. — экспрессивное

(目 录)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (序言)

Принятые сокращения (缩语表)

Ч. Айтматов (艾特玛托夫)

Прощай, Гульсары! 1

О. Ф. Берггольц (别尔戈丽茨)

Дневные звезды 69

И. А. Велембовская (维琳鲍芙斯卡娅)

Женщины 135

В. А. Закруткин (扎克鲁特金)

Сотворение мира 212

Ю. М. Нагибин (纳吉宾)

Зимний дуб 251

Человек из ресторана 265

Е. И. Носов (诺索夫)

Шуба 299

В. Ф. Тендряков (钦得里亚柯夫)

Подёнка — век короткий	326
М. С. Шагинян (沙吉娘)	
Четыре урока у Ленина	409
М. А. Шолохов (肖洛霍夫)	
Судьба человека	449
А. Я. Яшин (雅申)	
Угощаю рябиной	501
Ключи к заданиям (作业题答案提示)	
Прощай, Гульсары!	520
Дневные звезды	524
Женщины	529
Сотворение мира	534
Человек из ресторана	536
Шуба	540
Подёнка — век короткий	544
Судьба человека	547
Четыре урока у Ленина	555
Угощаю рябиной	557

Ч. Айтматов

Чингиз Айтматов — один из тех современных советских писателей, чьи произведения пользуются мировой известностью. Родился он в 1928 году в долине реки Талас, в Кировском районе Киргизии. Рано лишившись отца, Чингиз жил в детском доме, где вторым языком его детства стал русский язык. Трудовая биография будущего писателя началась в Отечественную войну, когда он вынужден был оставить учебу и работать в колхозе наравне со взрослыми. С четырнадцати лет, еще подростком, Айтматов стал секретарем айлсовета и принял на свои плечи непосильную тяжесть решения самых различных вопросов, возникавших в жизни большого киргизского села. В 1953 году, по окончании сельскохозяйственного института, он поступил работать на опытную животноводческую ферму зоотехником. Жизнь в гуще своего народа, горячая любовь к родной земле с ее неповторимой поэтичностью помогли будущему художнику выйти в ряд глубоко самобытных национальных писателей нашей современности. Через все его творчество проходит жизнь киргизского народа, с первых лет революции вплоть до наших дней.

Еще в студенческие годы Чингиза Айтматова его первые рассказы появились в киргизских журналах. Но настоящий успех пришел к нему только после многолетних напряженных поисков. Всемирную известность писателю принесли повести «Джамиля» (1958) и «Первый учитель» (1962). Потом в том же излюбленном им жанре был создан целый ряд выдающихся произведений: «Материнское поле» (1965), «Прощай, Гульсары!» (1966), «Белый пароход» (1970), «Ранние журавли» (1975), «Пегий пес, бегущий краем моря» (1977). В 1980 году вышел в свет первый роман писателя «Буранный полустанок».

Ярко индивидуален облик писателя Айтматова. Его герои — рядовые труженики, твердо верящие в светлое будущее, в добрые начала той жизни, которая создается при активном их участии. Это люди с чистой совестью, честные, в деле безотказные, в стремлениях возвышенные, во взаимоотношениях с людьми прямые и откровенные. Но «простые люди», сильные характеры обычно ставятся писателем в непростые, драматические ситуации, в которых они сталкиваются с не менее сильными противниками. Писатель поднимает сложные проблемы современной жизни, показывает ошеломляющие повороты в судьбах героев. Однако,

этот острый драматизм не подавляет, а скорее возвышает героя, вселяет в читателя веру в победу нового человека с его новой моралью. Уже в первых своих повестях Чингиз Айтматов берет верный тон: рассказывает он о любимых героях взволновано, вдохновенно, окрашивая куски жизни в яркие краски. По мере развития таланта писателя все усиливается философское осмысление конфликта, углубляется реалистическая основа творчества. Приподнятая, поэтическая тональность сочетается с внутренним драматизмом. Своей зрелости суровый реализм достигает, как принято считать, в повести «Прощай, Гульсары!».

Книга эта повествует о многотрудной жизни честного коммуниста Танабая Бакасова. Воспроизводимые жизненные коллизии делают сюжетные события драматически острыми. Но ни послевоенные трудности, ни душевные потрясения, вызванные столкновением Танабая с бюрократами и карьеристами, ни исключение его из партии — ничто не может поколебать воли убежденного коммуниста. Сын своей эпохи, воспитанный в условиях новой действительности, Танабай и на исходе своих дней остается верен высоким идеалам. Параллельно писатель мастерски создает впечатляющий образ коня. История Гульсары вводится для того, чтобы еще более эмоционально обрисовать и оттенить образ Танабая, для создания общей лирической поэтичности повествования. Примечателен прием изображения через восприятие человека и коня. Авторский рассказ то и дело совмещается с внутренними мыслями и речью героя. И все это вливается в единое русло емкого, гибкого, выразительного языка с фольклорными элементами, с национальным колоритом.

✱

✱

✱

ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!

(Отрывки из повести)

Иноходец тронулся с места, телега закрипела, колеса медленно застучали по дороге. И они медленно пошли — старый человек и старый конь.

2

Первый раз встретились они после войны.

Побывал ефрейтор Танабай Бакасов и на Западе и на Востоке, демобилизовался после капитуляции Квантунской армии.¹ В общей сложности почти шесть лет прошагал он по солдатским дорогам. И ничего, бог миловал,² один раз контузило в обозе, другой раз ранило осколком в грудь, мешая два лежал в госпитале и снова догнал свою часть.

А когда возвращался домой, станционные торговки называли его стариком. Ну, это больше в шутку. Танабай не очень-то обижался на них. Не молодой он был, конечно, но и не старый, это с виду будто старый, побурел порядком за войну, седина замелькала в усах, но телом и духом он был еще крепкий. Через год жена родила дочь, а потом вторую. Обе уже замужем, с детьми. Частенько наезжают летом. Муж старшей — шофер. Посадит всех в кузов — и в горы, к старикам. Нет, не в обиду они на дочерей и зятьев, а вот сын не вышел.³ Но это разговор другой...

А тогда в пути, после победы, казалось, что жизнь-то настоящая только начинается. Так хорошо было на сердце. На

больших станциях эшелон встречали и провожали духовые оркестры. Дома жена ждала, сынишке восьмой год шел, в школу собирался. Ехал с таким ощущением, точно бы родился на свет заново, точно бы все, что было до этого, вроде уже не в счет. Хотелось все забыть, хотелось думать только о будущем. И представлялось оно ясным, простым: надо жить, детей растить, хозяйство налаживать, дом строить, в общем — жить. И этому уже ничто больше не должно помешать, потому что все прошлое как бы отдано было в залог того, что⁴ теперь-то наконец начнется та настоящая жизнь, к которой все это время стремились, ради которой побеждали и умирали на войне.

Только оказалось, спешил Танабай, слишком спешил — в залог будущего надо было отдать еще годы и годы.

Сначала поработал он в кузнице молотобойцем. Имел когда-то в этом сноровку и, дорвавшись до наковальни, с утра до вечера сыпал сплеча так, что кузнец едва успевал поворачивать под молотом раскаленный кусок железа. Ему и сейчас еще слышится иной раз тот перестук и звон в кузнице, что заглушал все тревоги и заботы. Не хватало хлеба, одежды, женщины ходили в галошах на босу ногу, детишки не знали, что такое сахар, колхоз весь в долгах сидел, счета в банке были арестованы,⁵ а он отмахивался от всего этого молотом. Ухал им, наковальня звенела, разлетались синими брызгами искры. «Уг-ха, уг-ха! — выдыхал он, вздымая и опуская молот, и думал: — Все уладится, главное — победили, главное — победили!». А молот вторил: «Победили; победили, дили, дили, дили!» И не только он, в те дни все жили воздухом победы,⁶ как хлебом.

А потом Танабай пошел в табунщики, уехал в горы. Чо-

ро его уговорил. Покойный Чоро был тогда председателем колхоза, он всю войну председательствовал. В армию его не взяли из-за больного сердца. Вроде и дома он сидел, а постарел здорово. Танабай это сразу заметил, когда вернулся.

Вряд ли кто другой уговорил бы его сменить кузню⁷ на табун. Но Чоро был его давнишним другом. Вместе они когда-то начинали комсомольцами агитировать за колхоз, вместе кулаков раскулачивали. Особенно он, Танабай, старался тогда. Не шадил он тех, кто попадал в список на раскулачивание...

Уговорил его Чоро, приехав к нему в кузницу, и, кажется, очень был доволен этим.

— А я боялся, что ты прирос к молоту, не оторвешь, — говорил он, улыбаясь.

Больной был Чоро, тощий, шея вытянулась, морщины залегли на впалых щеках. Время еще было теплое, но Чоро и летом ходил в своей неизменной фуфайке.

Сидели они, опустившись на корточки, у арыка, неподалеку от кузницы, беседовали. Вспомнилось Танабаю, каким был Чоро в молодости. В ту пору он был самым грамотным в аиле⁸ и видным собой парнем. Люди уважали его за спокойный, добрый нрав. А Танабаю не нравилась его доброта. На собраниях он, бывало, вскакивал и прорабатывал Чоро за недопустимую мягкотелость в классовой борьбе с врагом. Получалось у него это крепко, прямо как по газете. Все, что слушал на громких читках,⁹ наизусть повторял. Иной раз самому становилось страшно от своих слов. Зато здорово получалось.

— Понимаешь, был я третьего дня¹⁰ в горах, — расска-

зывает Чоро. — Старики спрашивают, все ли солдаты вернулись? Да все, говорю, кто в живых остался. «А когда думают братья за работу?» Работают уже, отвечаю, кто на поле, кто на стройке, кто где. «Это и мы знаем. А табуны кому водить? Будут ждать, пока мы порем, так нам не много уже осталось». Стыдно мне стало. Понимаешь, к чему разговор ведут? Стариков этих мы в войну послали в горы табунщиками. С тех пор они там. Не тебе говорить, дело это не стариковское. Вечно в седле, ни днем, ни ночью покоя. А в зимние ночи как! Помнишь Дербишбая, тот так и окоченел в седле. А они ведь и коней объезжали — армии нужны были кони. Попробуй на седьмом десятке лет, чтоб потаскал тебя как-нибудь сатана¹¹ по горам да по долам. Костей не соберешь. Спасибо им и на том, что выстояли. А фронтовики вот вернулись и нос воротят, культуры понавидались за границей, в табунщики уже не желают. Зачем, мол, мне скитаться по горам. Вот как получается. Так что выручай, Танабай. Ты пойдешь, тогда и других заставим.

— Хорошо, Чоро, попробую поговорю с женой, — отвечал Танабай. А сам думал: «Жизнь-то какая прошумела над головой,¹² а ты, Чоро, все такой же. Сгораешь от своей доброты. Может, это и хорошо. Всякое повидали за войну, нам бы всем добрее быть. Может, это и есть самое верное в жизни?»

На том они было и разошлись. Танабай пошел к себе в кузницу. Но Чоро вдруг окликнул его:

, — Постой, Танабай! — Он подъехал к нему на коне, склонился на луку седла, заглядывая в лицо. — Ты, случаем, не обижаешься? — спросил негромко. — Понимаешь, времени никак не выкрою. Посидеть хотелось, поговорить по душам,

как бывало. Сколько лет не виделись. Думал, кончится война, легче станет, а забот не убавляется. Иной раз глаз не сомкнешь, всякие мысли лезут в голову. Как сделать, чтобы хозяйство поднять, народ накормить и чтобы планы все выполнять. И люди уже не те, жить хотят лучше...

Но им так и не удалось потолковать по душам, так и не нашли они случая посидеть наедине. А время шло, потом было уже поздно...

Вот тогда-то, отправившись в горы табунщиком, Танабай впервые и увидел там в табуне старого Торгоя буланого жеребчика-полуторалетку.

— В наследство что оставляешь, аксакал¹³? Табун-то не ахти¹⁴, а? — уязвил Танабай старого табунщика, когда лошади были пересчитаны и выгнаны из загона.

Торгой был сухонький старичок без единой волосинки на сморщенном лице, сам с локоток¹⁵, как подросток. Большая косматая баранья шапка сидела на нем, словно гриб. Такие старики обычно легки на подъем, занозисты и горласты.

Но Торгой не вспылil.

— Какой есть, табун как табун, — невозмутимо ответил он. — Хвалиться особенно нечем, погоняешь — увидишь.

— Да я так, отец, к слову¹⁶, — примирительно промолвил Танабай.

— Один есть! — Торгой сдвинул с глаз нависшую шапку и, встав на стременах, показал рукояткой камчи¹⁷. — Вон тот буланый жеребчик, что с правого края пасется. Далеко пойдет.

— Это который — вон тот, круглый, как мяч? Что-то мелковат с виду, поясница короткая.

— Поздныш¹⁸ он. Выправится — ладный будет.

— А что в нем? Чем он хорош?

— Иноходец от рода.

— Ну и что?

— Таких мало встречал. В прежние времена ему цены не было бы. За такого в драках на скачке головы клали.

— А ну глянем! — предложил Танабай.

Они прищипорили коней, пошли краем табуна, отбили буланого в сторону и погнали его перед собой. Жеребчик не прочь был пробежаться. Он весело потряхнул челкой, фыркнул и пошел с места, как заводной, четкой, стремительной иноходью, описывая большой полукруг, чтобы вернуться к табуну. Увлеченный его бегом, Танабай закричал:

— О-о-о, смотри, как идет! Смотри!

— А ты как думал! — задорно отозвался старый табунщик.

Они быстро рысили вслед за иноходцем и кричали, как маленькие дети на байге¹⁹. Голоса их словно бы подстегивали жеребчика, он все убыстрял и убыстрял бег, почти без напряжения, без единого сбоя на скачь, шел ровно, как в полете.

Им пришлось пустить коней в галоп, а тот продолжал идти в том же ритме иноходи.

— Ты видишь, Танабай! — кричал на скаку Торгой, размахивая шапкой. — Он на голос чуткий, как нож под рукой, смотри, как поднадает на крик! Айт, айт, айта-а-ай!

Когда буланый жеребчик вернулся наконец к табуну, они оставили его в покое. Но долго еще не могли уговориться, проезжая своих разгоряченных лошадей.

— Ну, спасибо, Торгой-аке²⁰, хорошего конька вырастил. На душе даже веселей стало.

— Хорош, — соглашался старичок. — Только ты смо-